

Как друг, он, конечно, не одобрял брак Ху Чэ и Линь Даня. Хотя их отношения были для него загадкой. Раньше они были заклятыми врагами, которые не могли находиться в одном помещении, но потом вдруг стали неразлучными влюбленными. Возможно, это и есть те самые «счастливые враги», о которых поется в оперных ариях? Но раз уж они решили быть вместе и после свадьбы живут душа в душу, то, как бы близко он ни был с ними, лезть со своими советами не стоит.

Однако продолжительность жизни Линь Даня оставалась для него занозой. Если Ху Чэ просто играл роль, то ему следовало бы довести спектакль до конца и спокойно прожить с Линь Данем оставшиеся дни. Но, глядя на их счастливую жизнь, он начал беспокоиться за Ху Чэ. Что будет с ним, когда Линь Дань уйдет?

Сейчас Ху Чэ начал копить деньги, скрывая это от Линь Даня. Сумма пока небольшая, но со временем она может стать значительной. У него появилось дурное предчувствие: неужели Ху Чэ задумал завести любовницу на стороне?

Будучи выходцем из купеческой семьи, Цай Чун знал о мелком бизнесе Ху Чэ. Хотя они якобы были партнерами, на самом деле он просто помогал Ху Чэ присматривать за делами. Расходы литератора невелики, но и не столь уж малы. Ху Чэ не жил на доходы от этого бизнеса, но на покупку недвижимости их хватило бы с лихвой.

— Прости... — Ху Чэ сначала не понял, его мысли были заняты тем, что он стал на шаг ближе к покупке усадьбы с горячим источником. Но через мгновение он осознал сказанное и с негодованием уставился на Цай Чуна. — Что ты имеешь в виду? Как я могу поступить плохо с Даньданем?!

Он не позволил бы Линь Даню сблизиться с кем-то другим, да и сам не стал бы рисковать, допуская подобное.

Они оба были мужчинами. Если бы у него действительно были посторонние интересы, Линь Дань не уступал бы ему ни в чем, а семья Линь не боялась бы семьи Ху. Если бы он завел любовницу, семья Линь, вероятно, только обрадовалась бы, ведь они сразу же подсунули бы Линь Даню несколько наложниц, чтобы он оставил потомство. Линь Дань действительно был «слаб здоровьем», но разве семья Линь не знала правды? По крайней мере, его дед и родители точно знали.

Брак Линь Даня с ним был результатом некой сделки между его отцом и семьей Линь. Он до сих пор не понимал, почему семья Линь согласилась на этот брак, но он ценил его и не позволил бы никому разрушить его. Даже если для семьи Линь это была всего лишь временная мера.

Цай Чун, видя его искренний гнев, смущенно усмехнулся и попытался успокоить:

— Ладно, брат, я знаю, что ты без ума от Далана. Но зачем ты скрываешь это от него? В глазах других Линь Дань — расточитель, но я, помогая семье Цай в делах, связанных с бизнесом Линь Даня, хоть и не знаю всех его финансов, но могу судить об их масштабе. Если между вами все хорошо, зачем тебе копить такие мелочи втайне?

— Если я не говорю об этом даже Даньданю, зачем мне говорить тебе? — Ху Чэ держал это в строжайшей тайне. Как можно обсуждать такое с посторонними? Разве он должен прямо сказать, что хочет купить усадьбу с горячим источником, чтобы заниматься с Линь Данем всякими делами?

Цай Чун небрежно взглянул на него и вдруг тихо сказал:

— Слышал, ты просил Чжэнь Сы-лана присмотреть за усадьбой с горячим источником в пригороде?

Ху Чэ широко раскрыл глаза. Именно он познакомил Цай Чуна с семьей герцога Цая, как же он забыл, что у Цай Чуна и Чжэнь Маня больше возможностей для общения?

— Усадьба с горячим источником — дорогое удовольствие, — с улыбкой продолжил Цай Чун. — У семьи Линь уже есть такая, зачем тебе еще одна?

Сначала он не думал, что Ху Чэ хочет купить ее для себя, предполагая, что тот просто помогает семье Ху. В конце концов, статус семьи Ху был высок, а Ху Гаоминь постепенно старел. Хотя они и породнились с семьей Линь, на политической арене они по-прежнему противостояли друг другу. Покупка усадьбы с горячим источником для себя была бы вполне логичной. Но он не ожидал, что, просто поддразнив, выведет Ху Чэ на чистую воду.

Ху Ани, хоть и умнее его, уже готовился к экзаменам на звание цзиньши, но Цай Чун все же старше его на несколько лет и не зря ел свой хлеб!

— Раз уж ты так поступаешь, значит, планируешь делать что-то... что неудобно делать в усадьбе семьи Линь. Скрываешь от Линь Даня, потому что он будет против?

Все они мужчины, и, раз уж он угадал направление мыслей, разве можно скрыть такие шалости?

Ху Чэ покраснел и, сжав губы, попытался сохранить серьезность:

— В общем, не говори Даньданю.

Цай Чун хотел еще пошутить, но увидел, как к ним подходит однокурсник с напряженным выражением лица, который, не обращая на него внимания, направился прямо к Ху Чэ.

Подошедший звался Не Сюэхай. Цай Чун и Ху Чэ оба знали его, он был их однокурсником и даже дружил с Цай Чуном, хотя отличался небольшим высокомерием и смотрел на других свысока, из-за чего не ладил с большинством. Только Цай Чун, обладая талантом ладить с людьми, смог подружиться с ним.

Но сейчас Цай Чун не понимал, зачем этот человек подошел к Ху Чэ? Обычно они даже в академии не обменивались и парой слов.

Ху Чэ тоже удивился, но ничего не сказал, ожидая, когда Не Сюэхай заговорит.

Двор Цай Чуна был небольшим, и на этот раз он устроил пиршество прямо во дворе, поставив два стола с угощениями. Уже прошло время ужина, и большинство гостей собрались в беседке, чтобы сочинять стихи или обсуждать последние новости, время от времени высказывая свои мнения. В поэзии Линь Дань, даже проживи он еще одну жизнь, вряд ли смог бы сравниться с этими людьми, но в вопросах текущих событий его способности были недостижимы.

На осенних экзаменах проверяли умение писать эссе, и многие студенты сосредотачивались на красивых, но пустых словах. Слушая, как Линь Дань иногда делится своими наблюдениями, они замирали, не желая пропустить ни слова. Цай Чун и Ху Чэ, разговаривая и играя в шахматы на веранде, выглядели несколько странно, а теперь, когда Не Сюэхай подошел к ним,

все присутствующие невольно обратили на это внимание, гадая, что же этот высокомерный однокурсник хочет сказать этим двоим.

Больше всех удивился Линь Дань. Но сейчас он чувствовал усталость. Вчера вечером его супруг Ани, проявляя «заботу», заявил, что не хочет, чтобы он притворялся больным, и заставил его сделать это несколько раз. Сегодня он с трудом встал с постели, и его бледность была подлинной, без капли притворства. Он знал, что Ху Чэ планировал просто показать его и сразу же увести домой, но он иногда выходил подышать свежим воздухом, а друзья Цай Чуна в будущем могли стать полезными связями, и он не хотел упускать эту возможность.

Не Сюэхай, как и ожидалось, «не подвел». Его голос был сдержан, но в нем явно чувствовался гнев, даже граничащий с бессвязностью.

Выражение лица Линь Даня отражало общее удивление. Окружающие не расслышали слов Не Сюэхая, только удивились его гневу, не понимая, на что он злится.

Но Линь Дань услышал все. Его лицо сохраняло общее выражение, но в глазах читалось смущение. Взглянув на Ху Чэ, он слегка покраснел.

На лице Ху Чэ читался больше гнев, чем что-либо другое. Он ничего не сказал Не Сюэхая, а просто подошел к Линь Даню, наклонился и мягко спросил:

— Устал? Пойдем домой.

— Угу, — кивнул Линь Дань, попрощавшись с однокурсниками.

Не Сюэхай, не успевая догнать их, хотел что-то сказать, но, стоя перед Линь Данем, смутился и не смог вымолвить ни слова, только смотрел, как они уходят.

Авторское послесловие:

Муфта (□□▽□): Дай мне лунный пряник.

Враль (◎▽◎): Какой пряник ест кролик?

Муфта (◎□◎): Неужели ты не можешь сделать для меня пряник с начинкой из редиса и зелени?

Враль (◎ω◎): Я же не умею делать пряники.

Муфта (◎□◎): Фух, от тебя никакого проку!

<http://bllate.org/book/17701/1652779>